

Цифровое мерцание и КОМПОЗИЦИИ

Руководитель Центра социального проектирования «Платформа» Алексей Фирсов ведет работу над своей книгой «Тавро и хлыст», посвященную различным формам контроля за массовым сознанием. «Актуальные комментарии» продолжают серию публикаций автора с выдержками из этой книги.

Часть 5. Цифровое мерцание и композиции

Алексей Фирсов

Уникальность настоящего момента заключается в том, что каждый человек обладает возможностями практически бесконтрольно излучать свое «я» в публичное пространство, ограниченный только инфраструктурой процесса. Это принципиально меняет статус человека. Вопрос не в качестве, модальности и содержательности этого излучения. А в самой возможности постоянно проецировать себя. Человек подает сигналы, и сигналы становятся самостоятельным мерцанием, образуя волны, которые гасят или усиливают друг друга. Происходит раздвоение субъекта: один элемент носит условно статичный характер, встроен в стабильную систему координат, второй – отслаивается, приобретает волновую природу существования. Второе или сетевое «я» человека нельзя рассматривать как механическое продолжение его физического бытия. Скорее, между ними пролегает граница, которая определяется радикальным отличием новой среды.

Особенность цифрового проецирования состоит в том, что человек

как бы конструирует самого себя, опираясь на некие подхваченные композиции. В принципе, любой образ можно разложить на ряд базовых составляющих – деталей этого конструктора. Возьмем, к примеру, популярный сервис знакомств «Тиндер». В женской части этого сервиса все портреты вмещаются в линейку заданных вариаций: «тело в спортзале» (сигнал о гибкости, физической подготовленности, работе над фигурой), «тело в курортной зоне» (сигнал о стандарте жизни, демонстрация открытости и сексуальности), «губы» (акцентуация на нижней части лица символизирует чувственность и элемент гламура), «тело в изгибе» (биологическое стимулирование аудитории через придание образу неестественной позиции отвода бедер), «тело в антураже европейского города или музея» (демонстрация интеллекта, общегуманитарной развитости). Линейка может быть продолжена. Сама телесность существенно препарирована и отделена от реального носителя. Образы часто дополнены символическими речевыми оборотами. Например, распространенная фраза: «самый большой порок мужчины – жадность» (часто пишется на английском), – выражает стремление к монетизации отношений, переход на иностранный язык символизирует неизжитую психологическую травму 90-х, подчеркнутое требование: «только серьезные отношения», – говорит о скрытой готовности к серьезным компромиссам.

Задача, впрочем, не в анализе отдельного сервиса, а в демонстрации того, что человек уже разделен на естественный и сконструированный образы. Если коротко обозначить социальные аспекты этих различий, то классический «канон» человека живет в системе фиксированных осей, заданных юридическим правом, традицией, городской средой, производственными регламентами, институтом семьи, особенностями локальных сообществ, гендерными практиками и так далее. В этом контексте человек – стабильная атомарная единица, связанная с другими подобными единицами. Сохраняются обособленность и возможность свободно менять характер этих связей. В целом государство или иные институты научились контролировать движения таких единиц через определение тех коридоров, внутри которых допускается их

мобильность, регулировку скорости, статусов, целей, ресурсов. Однако теперь вместо одной реальности система управления получает две, и что делать со второй – не вполне ясно. Поэтому к ней сегодня подходят как к простому продолжению обыденности, пытаюсь регулировать ее по принципам мира вещей. Но получается плохо, неуклюже.

Разрушена сама атомарность субъекта, возможность очертить его замкнутые границы. Цифровые сообщения приобретают характер разомкнутых импульсов. С одной стороны, этот импульс не обязан поддерживать связь с предыдущими или последующими, с другой, он может образовывать произвольные конфигурации с цифровым облаком других субъектов: сплетаться с ними, входить в них или растворяться самому, формировать синэргии и новые мерцания. Субъектности теряются и вновь находят себя в сложных и нестабильных образованиях. Разумеется, что-то похожее можно встретить и в классической картине. Однако принципиальное значение имеют скорость процессов, их общедоступность и глубина. Радикально меняются возможности прогнозирования. Нынешние объяснительные модели для новой реальности обладают убедительностью только постфактум, когда результат уже известен, и задача анализа – обосновать его появление. В этом случае аналитики охотно объясняют, почему случилось так, а не иначе. Однако интеллектуальные возможности заметно слабеют при попытке увидеть ситуацию в ее перспективе.

Переходя в волновую стадию, субъект: а) не имеет четких границ, б) не контролирует поля взаимодействий, в) не прогнозирует судьбу отпущенного на свободу образа, д) при этом неразличим от него самого. Такое раздвоение субъектности иногда называют шизофренией, но когда болезнь принимает характер глобальной эпидемии, она становится нормальностью. В общем-то, и говорить о субъекте здесь невозможно, ввиду отсутствия его цельности. Но все же поток мерцающих цифровых следов сплетается в одну композицию, создающую контур псевдоличности. Поскольку ключевые информационные и маркетинговые инструменты цивилизации все более настраиваются

на этот контур, можно предположить, что он будет уверенно вытеснять своего родителя, подобно дочерям шекспировского короля Лира.

Характерно, что родитель своего цифрового образа находится под его сильным обратным воздействием. Тип поведения физической личности меняется, она начинает воспринимать новый образ как стандарт и публичное обязательство. Феномен «облачного сознания» перетекает на физический уровень. Здесь надо зафиксировать некоторые существенные черты этого явления, имеющие прямую связь с задачами управления.

Первое – разрушение вертикальной иерархичной картины мира и связанной с ней системой авторитетов (конкретные личности здесь не важны, главное, что они создают узлы пирамидальной модели общества). Да и сам термин «картина мира», как жесткий каркас реальности, становится нерелевантным, уступая место мерцающим феноменам.

Второе – отсутствие привязок к четким пространственным и культурным локациям. Но одновременно – ситуативное, постмодернистское возвращение к культуре и традиции, поскольку появляется встречное требование самоидентификации и различение себя от других.

Третье – универсализация языка описания реальности. При этом – быстрая текучесть языковых конструкций, риск отставания.

Четвертое – деинституализация общества, недоверие к стабильным моделям в принципе (интересно изучить этот фактор на примере партийности).

Пятое – снижение уровня рационализации, поскольку рациональное мышление предполагает устойчивые связи и переходы. Но зато развитие навыка быстрых ассоциативных скачков и неожиданных алогичных композиций, обладающих собственной продуктивностью.

Шестое – распад больших общественных групп на сообщества, локализация нового типа. Эти сообщества будут различаться

уровнями открытости, собственными кодами, символами и мифами. Отчасти этот тезис противоречит некоторым из предыдущих (в частности, универсализации языка). Однако как раз новый мир не смущается от противоречивости определений – они его характерная черта.

Появление второй реальности только открывает пространство для расширения множества. Искусственный интеллект будет вести к появлению реальности третьего типа, еще более отделенной от своей физической основы.

Алексей Фирсов, руководитель Центра социального проектирования «Платформа»

[Часть 1. Сознание в сетке целей](#)

[Часть 2. Девальвация элит](#)

[Часть 3. Технократия и ее ограничения](#)

[Часть 4. Осознанность](#)

Источник: [«Актуальные комментарии»](#)